

АРХИТЕКТУРНАЯ СТИЛИСТИКА ДВОРЦОВ И УСАДЕБ БЕЛАРУСИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Введение. Для современного этапа исследования истории белорусского зодчества характерно обращение к изучению архитектурной стилистики. Причем стиль рассматривается как явление значимое и поэтому для того, чтобы описать стиль, необходимо, прежде всего, понять его смысл.

Наиболее значительный интерес для изучения архитектурной стилистики представляет эпоха Просвещения и романтизма, охватывающая конец XVIII – начало XIX века, что совпадает с Александровской эпохой в истории Российской империи. Именно тогда на белорусских землях распространилось особое явление, называемое виленским классицизмом, которое наряду с белорусской готикой и виленским барокко представляет собой наибольшее достижение художественной культуры белорусского народа. Данная статья посвящена исследованию развития строгого стиля виленского классицизма в архитектуре дворцов и усадеб. Кроме того, рассмотрены и другие стилистические тенденции в дворцово-усадебной архитектуре – палладианство и ампир.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской программы сотрудничества с Белостокским техническим университетом по теме: «Региональные традиции и их взаимные влияния в архитектуре и искусстве пограничья культур Польши и Беларуси – история и современность».

Основная часть. С началом XIX века, века рационализма, в архитектуре дворцово-усадебных зданий Беларуси происходят значительные изменения. Облик построек становится сдержанным, даже чересчур строгим, архитектурные формы – предельно простыми и лапидарными, объемно-пространственные композиции зданий можно свести к нескольким ясным и даже элементарным схематичным построениям, а декоративное убранство фасадов практически отсутствует. Стилистическое решение построек представляется единым. В нем практически невозможно выделить какие бы то ни было стилистические направления, характерные для определенной местности, творчества зодчего или же связанные с влиянием определенного заказчика-мецената. Этот особый, сдержанный, даже если его можно так назвать – спартанский стиль, ближе всего стоит к палладианству или же академическому классицизму при всех тех оговорках, которые должны быть, когда мы пытаемся соотнести зафиксированное «международное» направление с конкретной, во многом обусловленной местными условиями и традициями архитектурной стилистикой.

Существование такой стилевой окраски вызывает некоторое недоумение. Ведь дворцово-усадебное зодчество Александровской эпохи в Беларуси вроде бы следовало отнести ко времени его расцвета, наивысшего развития всех возможных его качеств, так как эпоха становления классицизма совпадала с екатерининским временем, а завершающая фаза, приходящаяся на Николаевскую эпоху, была еще далеко. С Александровской эпохой в архитектуре Российской империи обычно связывают стиль ампир с его достаточно сложными объемными построениями, современной эстетикой использования чеканных геометрических объемов, с драматическим столкновением объемных построений и включением насыщенного декоративного скульптурного убранства. Однако всего этого мы не видим в дворцово-усадебных постройках на белорусской земле. Поэтому возникает закономерный вопрос: чем же было вызвано это особое стилистическое явление, в чем причины его появления и какое содержание несли дворцово-усадебные постройки александровского времени в Беларуси?

В Александровское время владельцами усадеб и их строителями были дворяне и шляхта. Это был наиболее образованный и передовой слой общества. Существенной частью его мировоззрения являлись идеи Просвещения. Несмотря на то, что в Западной Европе в связи с наступлением послереволюционной эры они утратили свою актуальность, на территории Российской империи идеи Просвещения продолжали существовать, соединяясь с присущей славянам извечной верой во всеобщее переустройство.

Много в этом здесь было пророчеств и мечтаний. И в то же время, как отмечал А.М. Гуревич, в отличие от стран Западной Европы, где просветителям лишь требовалось сформулировать задачи просвещения, а они уж поддерживались большей частью общества, в Российской империи главным было наметить пути их практического воплощения [1, с. 511]. Дворяне в александровское время были заняты поисками путей воплощения этих идей. Характерный пример тому – деятельность графа Н.П. Румянцева в гомель-

ском имени [2, с. 121–234]. Но усилия большинства дворян не шли так далеко и ограничивались своей усадьбой, своим домом. Поэтому и приобретали их дворцы и усадьбы черты строгой простоты, античной героики, ибо, как считали просветители, – искусство должно, прежде всего, учить [3, с. 9].

В Александровскую эпоху в дворцово-усадебном строительстве окончательно сформировался тип открытого публике усадебного дома, дома-музея, дома-салона, являющегося местом встреч и просвещенных бесед лучших представителей современного общества. Центром дома стал не только большой парадный салон, вмещающий памятники старины, портреты предков, античные детали и декор, но и библиотека, содержащая сочинения французских философов-энциклопедистов и книги по истории края, рукописи. Все это напоминало атмосферу, как казалось тогда, античных предков – сарматов и их время – героическое, время подвигов, побед и преодоления невзгод жизни и судьбы.

Вместе с тем в среде дворянства существенное значение имели идеи романтизма. В городской жизни с ее регламентацией и рациональностью, где все было направлено на служение государству и каждый был призван выполнять свои служебные обязанности, они не могли полностью реализоваться. Здесь же, в собственных имениях, дворянин мог отдаться романтическим порывам и мечтаниям. К этим романтическим устремлениям русское дворянство подталкивало недовольство существующим порядком жизни, ожидание грядущих перемен, недовольство крепостным строем, политикой александровского времени, невыполнением демократических обещаний. В среде же дворянства и шляхты, живущей на белорусской земле, примешивались иные чувства, вызванные возникшими здесь историческими катаклизмами.

Произошедший накануне Александровского времени раздел территории Речи Посполитой между более сильными соседями и утрата независимости были с горечью восприняты большинством белорусского дворянства. Многие из тех, кто не выступил на путь открытого сопротивления, оставили свои sentimentальные устремления, беззаботную жизнь и обратились к самоотверженному, спартанскому служению обществу, к подвижнической деятельности во благо отчизны. Здесь главную роль начинало играть искусство. Целью просвещенного дворянина стало собирание свидетельств древности своего народа, памятников его истории и героического прошлого. Характерный и наиболее известный пример этого – деятельность княгини И. Любомирской в своей резиденции Пулавы, где она вела спартанский образ жизни, коллекционируя древности своей страны и создавая для этого постройки в стиле античной Греции – храм Сибиллы, собственный дом и другие здания [4, с. 77]. Такие же действия были предприняты многими представителями шляхты, проживающей на белорусской земле.

Кроме того, с нашествием Наполеона значительная часть местной шляхты связывала надежды на восстановление независимости. Она участвовала в военных действиях на стороне французских войск, помогала французам в их походе на Москву и, вполне естественно, после изгнания Наполеона поплатилась за это преследованиями со стороны русских властей – штрафами, конфискацией имущества и высылкой. В этом случае разочарования и гонения, несмотря на определенную либерализацию жизни александровского времени, также способствовали формированию у местной шляхты «спартанского» поведения, которое приводило к созданию скромного, даже аскетичного облика их дворцов и усадеб.

Не следует забывать и о влиянии на наиболее передовую часть шляхты идей французской революции с ее лозунгами экономии и труда, которые на белорусской земле получили несравненно больше влияние, нежели на территории России, учитывая более тесные связи с Западной Европой и большую демократичность общественных отношений.

Строгий, подчас как бы специально упрощенный стиль стал во многом стилем малых и средних дворянских усадеб. Их скромные художественные программы с простым, иногда даже огрубленным бытом, соответствовали той своеобразной поэтизации бедности, которая отмечалась исследователями не только польской, но и русской культуры [5, с. 183].

Экономические условия начала XIX века способствовали появлению большого числа средних и малых усадеб. Крупные поместья из-за своей нерентабельности начинали распадаться. Их земли попадали в руки оборотистых людей, деятельность которых никак не предполагала создание роскошного обрамления собственной жизни, а была созвучна требованиям нарождающихся капиталистических отношений. В то же время крупные магнаты, занятые борьбой за независимость и претерпевшие значительные гонения со стороны новых властей, воздерживались от строительства на белорусской земле усадеб и дворцов. Некоторое влияние оказывал здесь также франклиновский пример «дома морального», развивающего в своей основе эпикурейскую этику середины и среднего класса [6, с. 29].

Основными заказчиками строительства дворцов и усадеб в начале XIX века были белорусские магнаты и шляхта. Русских дворян в Беларуси было немного, менее пяти процентов от численности всех владельцев, и их поместья находились, в основном, на восточных землях [7, с. 118]. Это положение вызвано

тем, что при Павле I и Александре I была фактически отменена раздача земель, и поэтому после второго и третьего разделов Речи Посполитой русских владельцев здесь не добавилось. Польские магнаты в начале XIX века в большинстве своем лишились белорусских земель [8, с. 47].

Все это существенно отразилось на ориентации дворцово-усадебного строительства в Беларуси на тот или иной культурный центр. Петербург здесь не играл той ведущей роли, как это было в строительстве административно-общественных зданий. Русских владельцев было мало, а среди местного дворянства Петербург в связи с разделами Речи Посполитой и политикой русского правительства не был популярен. Влияние его архитектуры было в большей степени опосредованным – в основном через губернских архитекторов, тех, которые были выпускниками Петербургской академии художеств и в силу своего служебного положения вынуждены были следовать петербургской моде.

Культурными центрами для усадебного строительства стали Вильно и Варшава. Варшава оказывала несравнимо меньшее влияние. В основном, оно было связано со следованием прежней архитектурной традиции, а так же в связи с деятельностью тех зодчих, которые после ликвидации в Варшаве королевского двора вынуждены были искать заработок в провинции. Некоторое повышение влияния архитектуры Варшавы наблюдается после создания Королевства Польского в 1815 году, когда в столице оживилось строительство. Но все эти влияния были несравненно менее значительными, нежели влияние Вильно, который стал центром западных земель Российской империи.

С Вильно белорусские земли были связаны административно – в состав Виленской губернии входили северо-западные земли Беларуси – и тем самым попадали в сферу деятельности виленских зодчих. У многих белорусских магнатов были дворцы в Вильно и сохранялись связи с виленскими зодчими. Но все же главным была та особая популярность виленского классицизма, которая была вызвана именно его характерными стилистическими качествами – особым античным характером, простотой и некоторой тяжеловесностью в трактовке архитектурных форм, что очень подходило к потребностям и вкусам местных владельцев усадеб. Создан он был работавшими в Виленской иезуитской академии и затем в Виленском университете М. Кнакфусом, К. Спампани, М. Шульцем и особенно Л. Гуцевичем [9]. В их деятельности органично соединены местные традиции, достижения французского классицизма и педагогические методы М. Ложье, влияние А. Палладио и на рубеже XVIII–XIX веков – Ж. Дюрана.

Что же означал стиль дворянской усадьбы александровского времени, какое содержание было заключено в нем? Строгий облик дворянской усадьбы прекрасно соответствовал спартанскому поведению ее обитателей и как бы отсылал зрителя к воспоминаниям об архитектуре Античной Греции и Рима. Наиболее характерным мотивом архитектуры усадьбы был портик дорического ордера с треугольным фронтоном. Он являл собой образ античного храма. Причем зачастую создатели усадебного дома стремились вкомпоновать напоминающий храм высокий прямоугольный объем в среднюю его часть. Здесь они располагали парадные помещения, в которых должны были собираться для общения избранные люди современного им общества – дворяне. Такое архитектурное окружение напоминало владельцам усадьбы о величии их предков – сарматов, о жизни которых мечтали современные магнаты и шляхта. Использование в архитектуре усадьбы облика языческого античного храма казалось совершенно уместным, особенно если вспомнить о том, что именно классицистическое искусство в эпоху Просвещения являлось своеобразным заменителем религии.

С другой же стороны, портик, размещенный на фасаде усадьбы, являлся знаком принадлежности ее владельцев к привилегированному сословию общества, к дворянству, являвшемуся носителем основ древней культуры. Он был виден издали и отличал шляхетскую усадьбу от крестьянской хаты.

Этот суровый сдержанный стиль получил свое наиболее полное воплощение в простых по очертаниям с прямоугольной формой плана усадебных домах, украшенных портиком. Такие постройки соединяли в себе требование скромной эстетики прирожденного спартанца, вынужденного, кроме того, в тяжкие для отчизны времена экономить средства, с необходимостью создания хотя бы минимальных удобств для гармоничной жизни. В начале XIX века мы практически не встречаем в усадебном строительстве центрических, близких к квадрату в плане построек с залом посередине и увенчанных куполом. Такая компоновка не была удобной, так как требовала устройства специального освещения средней части здания. Благодаря своим эстетическим качествам – идеальности построения, основанного на использовании простых геометрических фигур, полной симметрии, она применялась для создания загородных дворцов-вилл, предназначенных для кратковременного проживания и эстетического времяпровождения. Такие архитектурные программы не были в почете у местного дворянства начала XIX века. Поэтому мы находим по-

добный пример лишь единожды – в усадьбе Своротва близ Новогрудка, ставшей своеобразным повторением дворца Станислава Августа в Лазенках и вызывающей ностальгические воспоминания о независимой Речи Посполитой и королевской власти [10, с. 370]. Кроме того, тема палладианской постройки с куполом использована в усадьбе Яновичи близ Клецка, правда, в своеобразной и приближенной к местным условиям провинциальной переработке [11, с. 224]. В ее проектировании, возможно, применены чертежи из альбома французского архитектора Ж. Неффоржа.

Постройки при своей общей объемно-планировочной схеме – прямоугольной в плане с портиком на главном фасаде, отличались числом этажей, высотой портика и использованием строительного материала – дерева или камня. Это было, прежде всего, обусловлено экономическими возможностями владельца и его амбициями.

Наиболее распространенным был одноэтажный дом с портиком высотой в один этаж [10, с. 233; 11, с. 363]. Такие дома возводились мелкой и средней шляхтой. Очень редко перед домом устраивались два флигеля, обрамляющие парадный двор. В основном флигели располагались за домом вблизи хозяйственных построек. Усадебные дома были, в основном, деревянные, а портики на фасаде – четырех колонные, дорического ордера, выполненного в обобщенной трактовке.

В устройстве внутренних помещений использовались построения с двумя рядами анфилад вдоль длинных сторон здания. Коридоры пока еще не вводились, а если и применялись в отдельных случаях, то лишь в торцах здания для устройства отдельного входа и хозяйственных помещений. Парадные апартаменты находились в средней части здания. К вестибюлю, как правило, примыкали библиотека и кабинет владельца. На поперечной оси дома за вестибюлем находился зал, по сторонам его – столовая и парадная спальня. В торцах здания располагались жилые комнаты. Все помещения имели простые очертания. Лишь в усадебном доме в Ищелно близ Щучина салон имел овальную форму в соответствии с барочной традицией [12, с. 144]. В интерьерах парадных помещений царила простота отделки. «Античные» элементы включались лишь в виде печей, похожих на обелиски, дополнялись мебелью в стиле ампир и живописными полотнами в духе Г. Робера.

Главным «античным» элементом дома являлся портик, доступный взорам всех находящихся неподалеку. В этой ситуации у владельцев усадьбы возникало вполне понятное желание как-то подчеркнуть его, выделить, с тем чтобы этот знак принадлежности к дворянству был виден особенно хорошо. К тому же под влиянием романтизма многие владельцы стремились включить в архитектуру собственного жилища своеобразную цитату из древнегреческой архитектуры – облик античного храма. Греческая архитектура была очень популярной в Европе благодаря борьбе народа Греции с турками за независимость. И это приводило к созданию большого портика, высотой в два этажа, причем зачастую эти портики устраивались с двух сторон дома, придавая центральной части постройки черты сходства с греческим диптером. В этом случае строгие формы классицистической архитектуры в сочетании с пейзажным парком являлись напоминанием о древнегреческой архитектуре, тесно связанной с природным окружением.

Таких построек на Беларуси было много, и их облик стал традиционным для белорусского пейзажа (рис. 1). Подобное здание было описано А. Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш» и напоминало дом в Чомброве под Новогрудком (рис. 2). Для создания более представительного вида портики иногда поднимались на аркады, что мы видим в усадьбе в Лунине близ Лунинца [10, с. 70]. В планировке подобных зданий были использованы те же приемы, что и в домах с невысоким портиком. Лишь в вестибюле размещалась лестница на второй этаж.

Элементы стиля ампир в таких усадьбах встречались крайне редко, учитывая их достаточно скромную художественную программу и отсутствие, в основном, связей с петербургской архитектурой. Лишь в Зельванах близ Мостов мы видим вместо фронтона аттик [10, с. 416], да домик для летнего проживания графа Н.П. Румянцева в Гомеле имеет аттик, ампирную рустовку, греко-дорический ордер колонн, поддерживающих балкон, ниши со скульптурными рельефами (рис. 3).

Стремление к созданию на основе этой простой схемы более богатого дома проявилось в возведении прямоугольного в плане с портиком двухэтажного дома. Это было связано с экономическими требованиями, выдвинутыми эпохой, о чем писал польский теоретик архитектуры П. Свитковский в своей книге по сельскому строительству, изданной в Варшаве и Львове в 1782 году, а также с желанием заказчиков создать постройки с более развитым декоративным оформлением [6, с. 26]. Кроме того, требования классицизма по созданию анфилады парадных залов в одноэтажном протяженном по плану здании приводили к серьезным неудобствам.

В расположении помещений создатели двухэтажных построек также следовали примеру античности. Как указывал А. Палладио, а он это делал на основании положений Витрувия, на первом этаже должно располагаться жилье хозяина дома [13, с. 118]. Второй же этаж предназначался для жилых помещений семьи. Лестница в этом случае занимала подчиненное положение в интерьере, смещаясь в сторону от главной оси. Двухэтажные дома отличались более богатым репертуаром архитектурных форм (рис. 4).

Перечисленные нами прямоугольные в плане дома с портиками на фасаде, скрывающиеся в зелени пейзажных парков, стали неотъемлемой частью белорусского пейзажа, своеобразным романтическим символом родины, отчизны, как бы построенным на следовании древним традициям строительства. Однако этот символ был новым, и основанием его создания была архитектура Античной Греции. Местных влияний здесь практически не было. Лишь создаваемые в некоторых случаях, например, в доме в Бигосово, боковые ризалиты с портиками на них напоминали о выступах-альежах домов белорусского барокко, которые в свою очередь являлись рудиментами башен средневековых замков [11, с. 206].

Этими постройками не ограничилось дворцово-усадебное строительство александровского времени. Были и иные, более представительные здания на Беларуси. В их создании использована характерная для творчества А. Палладио тема дома с прямыми галереями. Подобное строительство было вызвано стремлением заказчиков создать большую по объемам постройку, ориентацией зодчих на использование наследия великого зодчего (проектировщики подобных зданий М. Шульц и Д. Кларк были последователями творчества Палладио), желанием владельцев уподобить свой усадебный дом итальянским виллам, которые они видели во время путешествий. Постройки эти во многом повторяли творения Палладио с присущими белорусскому зодчеству коррективами. Так колоннады заполнялись помещениями, использование усадьбы в Залесье около Сморгони в качестве охотничьего домика привело к устройству над портиком башни с часами [12, с. 451] (рис. 5).

Влияние наследия Палладио проникало на белорусские земли не только через архитектурные трактаты и непосредственные впечатления от итальянских построек, но и через Англию, где традиции великого итальянца особенно почитались. Так, «экономический» домик графа Н.П. Румянцева в Гомеле строился по образцу дома в Бедфордшире, возведенного в 1795 году палладианцем Г. Голландом (рис. 6, 7) [2, с. 212, 213; 14, с. 231]. Наиболее же выдающаяся дворцовая постройка александровского времени на Беларуси – дворец в Снове, во многом повторяла объемное построение известных дворцов в Англии – Ктел-Хоуард и Хольхем-Холл [15, с. 176]. Это было вызвано давними симпатиями владельца к английской культуре со времени его обучения в Оксфорде [10, с. 352]. Кроме того, фасад дворца в Снове на удивление точно повторяет чертеж дворца графа О. Тьене в Квинто из книги А. Палладио (рис. 8, 9).

Заключение. Подытоживая рассуждения о дворцово-усадебном зодчестве Александровского времени, следует сказать, что появление сдержанного варианта классицистического стиля было во многом обусловлено специфическими условиями, сложившимися на Беларуси. Этот скромный вариант

стиля в одинаковой мере отвечал запросам бедных и богатых владельцев, был связан с идеалами Просвещения и романтизма, носителем которых было белорусское дворянство. В эпоху катаклизмов он напоминал о героике Древнего Рима и Древней Греции, был связан с классицизмом Франции, с которой были соотнесены мечты о независимости, и отвечал идеям французской буржуазной революции.

Рисунок 1 – Дворец И. Тышкевича в Воложине (1800-е гг.). Общий вид (фото автора)

Рисунок 2 – Усадебный дом Карповичей в Чомброве под Новогрудком (начало XIX в.). Общий вид (по Р. Афтаназию)

Рисунок 3 – Летний домик графа Н. П. Румянцева в Гомеле (1818 – 1822 гг., арх. И. Дьячков). Общий вид (фото автора)

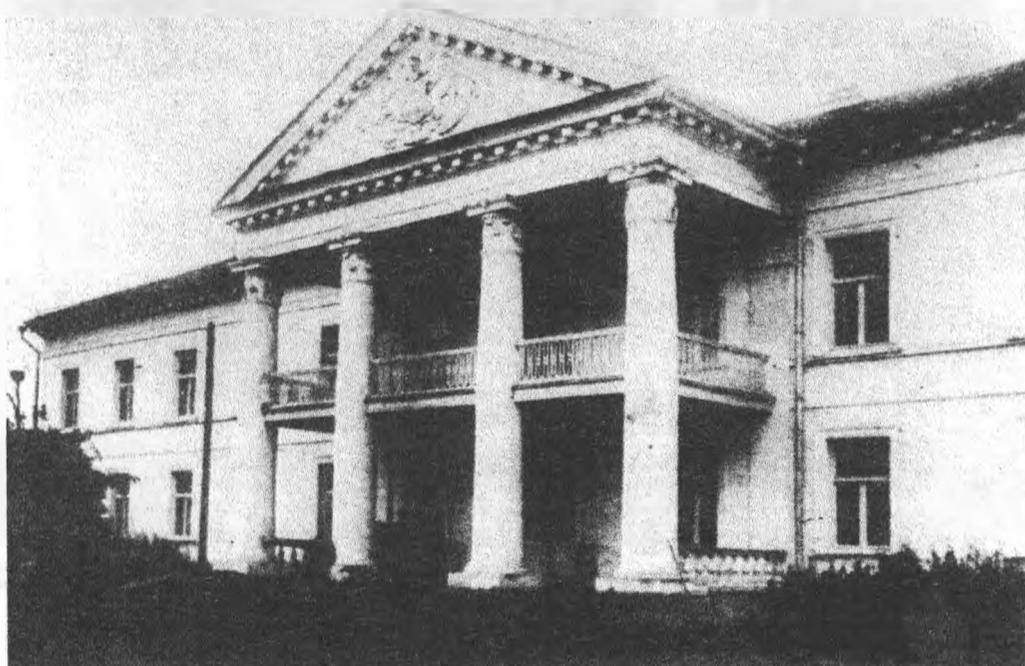
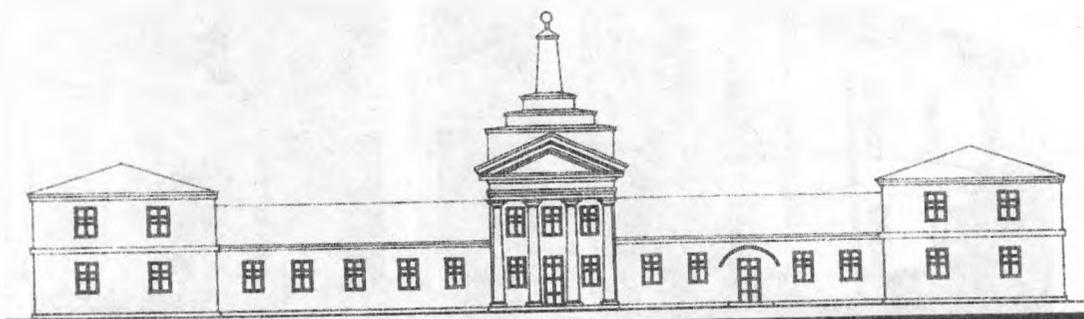
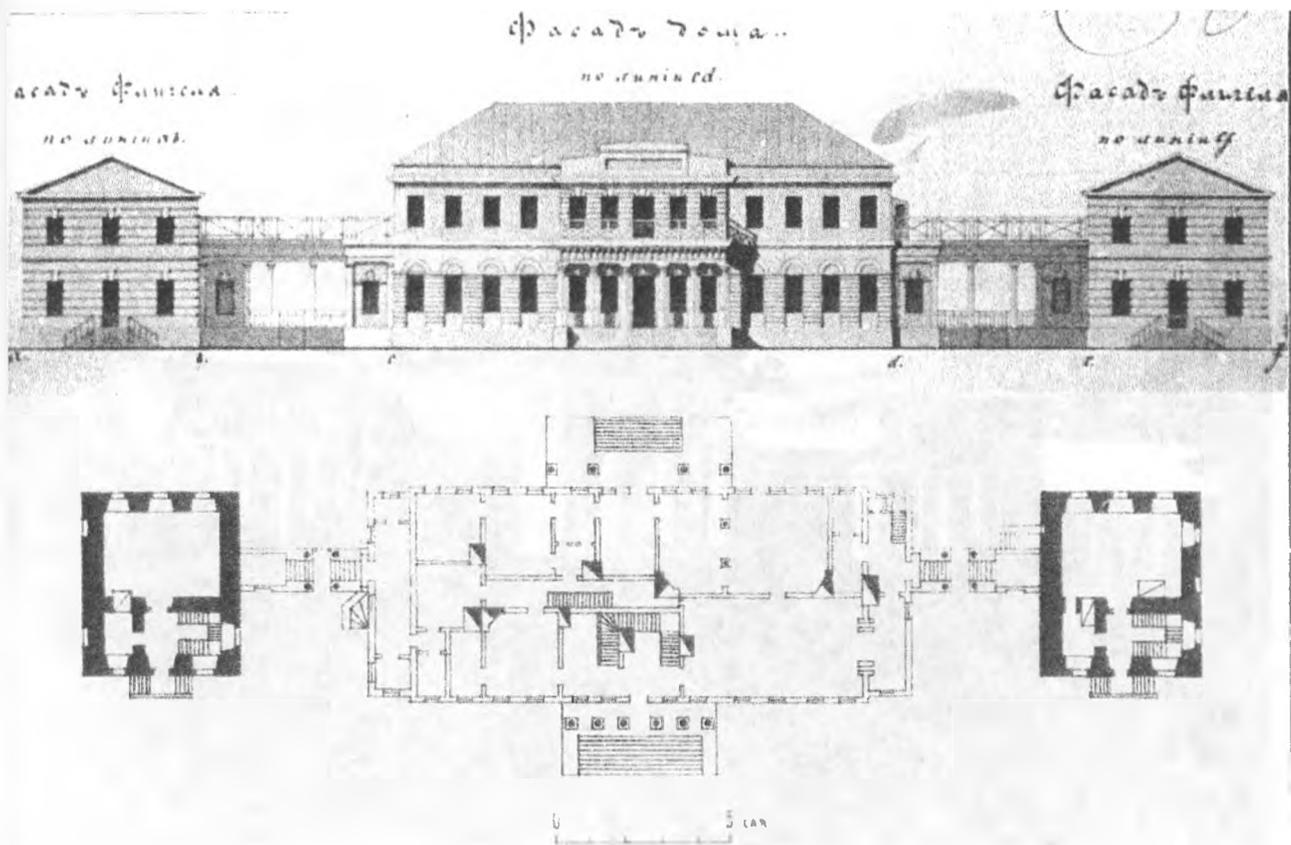

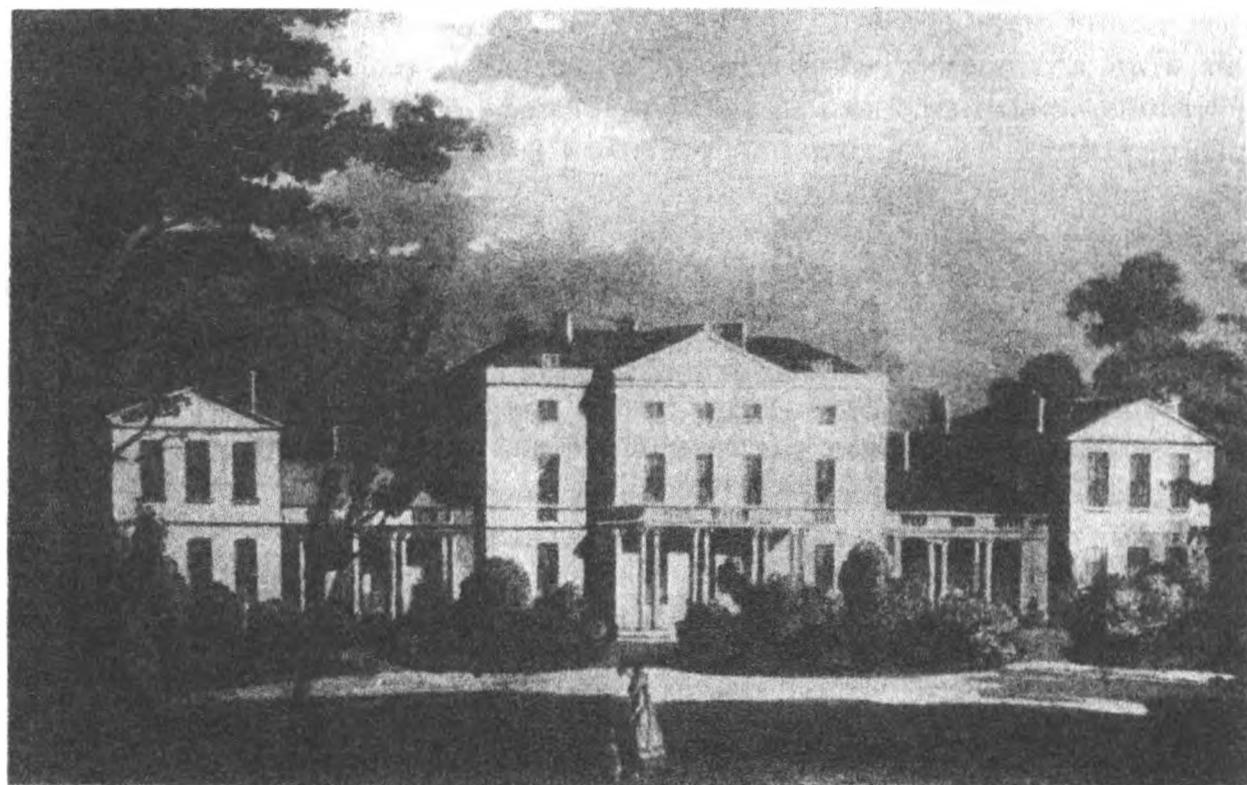
Рисунок 4 – Дворец Л. Ошторпа в Дукоре (начало XIX в.). Общий вид (по Р. Афтаназию)

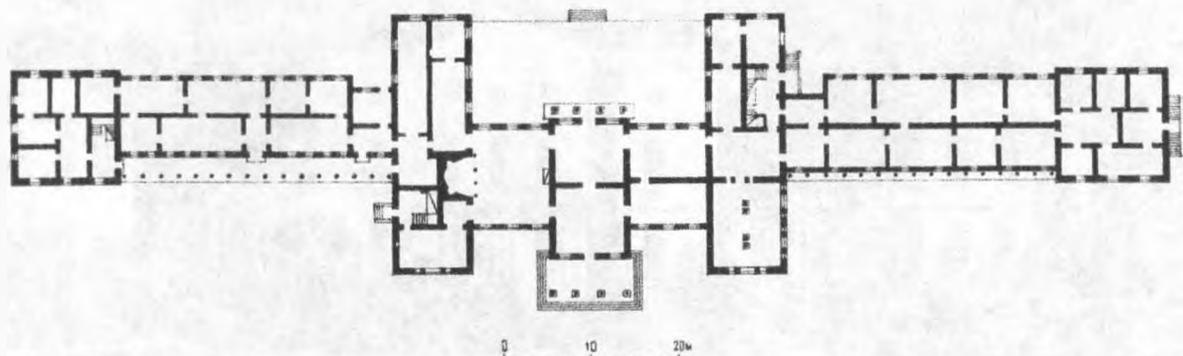
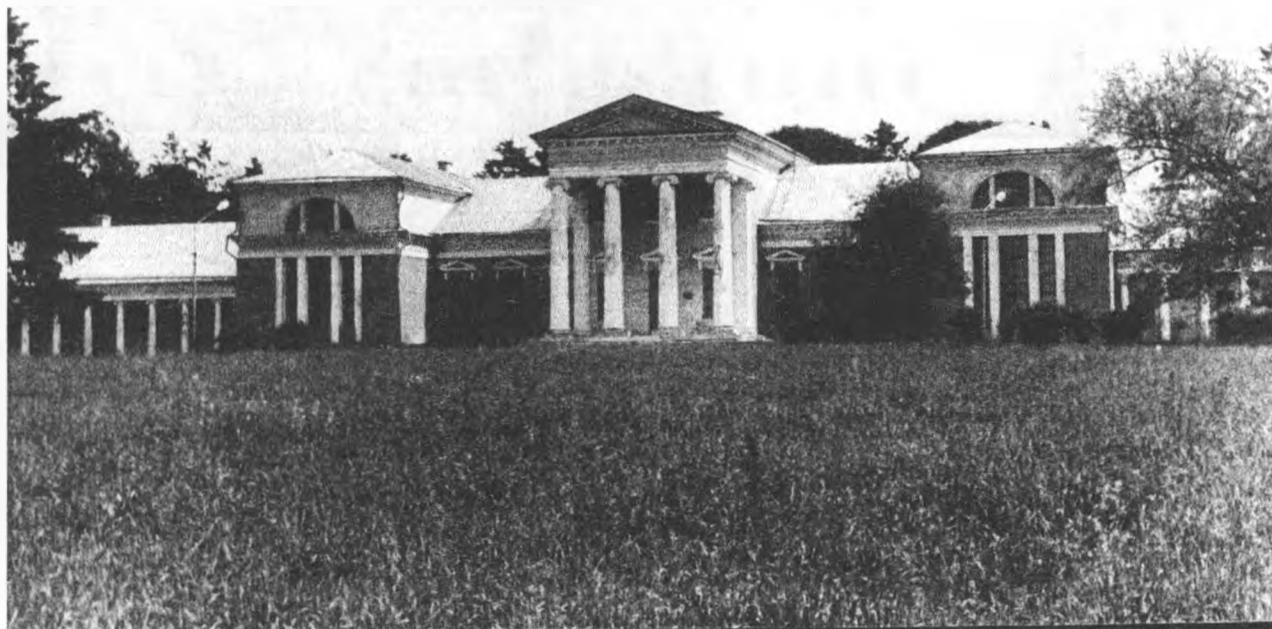
**Рисунок 5 – Дворец графа М. К. Огинского в Залесье (1804 – 1805 гг., арх. М. Шульц).
Общий вид (фото и чертеж автора)**

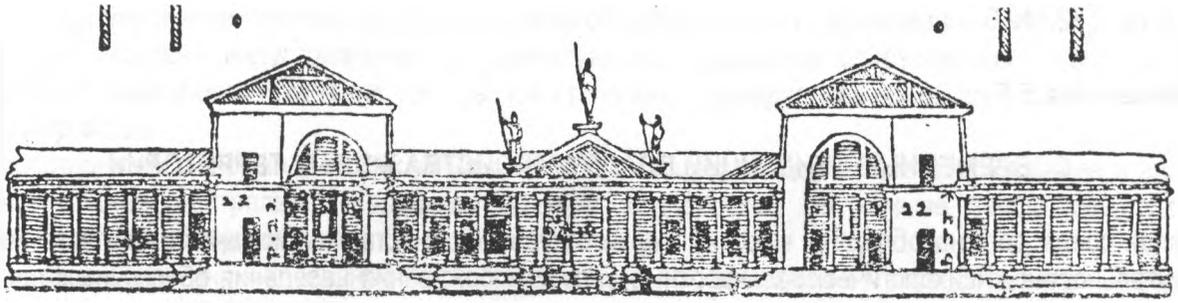
**Рисунок 6 – «Экономический» дом графа Н. П. Румянцева в Гомеле (1799 – 1819 гг., арх. Дж. Кларк).
Главный фасад и план (РГИА С-Пб)**

**Рисунок 7 – Усадебный дом в Бедфордшире в Англии (1795 г., арх. Г. Голланд).
Общий вид (по А. Ричардсону)**

**Рисунок 8 – Дворец К. Рдултовского в Снове (начало XIX в.).
Общий вид, фрагмент главного фасада, план (фото и чертежи автора)**

**Рисунок 9 – Дворец графа Тьене в Квинто в Италии (около 1555 г., арх. А. Палладио).
Фрагмент фасада (по А. Палладио)**

Список цитированных источников

1. Гуревич, А.М. О типологических особенностях русского романтизма / А.М. Гуревич // К истории русского романтизма. – М.: Наука, 1973. – С. 505–525.
2. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Мн.: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
3. Вольтер, Ф. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / Ф. Вольтер. – М.: Искусство, 1974. – 391 с.
4. Szmygin, B. Świątynia Sybilli i domek gotycki w Puławach jako odzwierciedlenie tła historycznego początków Królestwa Polskiego / B. Szmygin // Architektura i urbanistyka w krajobrazie historycznym królestwa Polskiego 1815–1914. – Warszawa: SKZ, 1992. – S. 75–82.
5. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 1994. – 399 с.
6. Leśniakowska, M. „Polskidwór”: wzorce architektoniczne, mit, symbol / M. Leśniakowska. – Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1992. – 120 p.
7. Козловский, П.Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П.Г. Козловский. – Мн.: Наука и техника, 1982. – 206 с.
8. Boberski, W. Architektura ziem 1 zaboru rosyjskiego / W. Boberski // Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium rosyjskiego (1772–1915). – Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1994. – S. 43–74.
9. Tatarkiewicz, W. Dwa klasycyzmy wileński i warszawski / W. Tatarkiewicz. – Warszawa: E. Wende, 1921. – 34 s.
10. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 2: Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. – 1992. – 474 s.
11. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 1: Województwa mińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. – 1991. – 336 s.
12. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 4: Województwo wileńskie. – 1993. – 550 s.
13. Palladio, A. Cztery księgi o architekturze / A. Palladio. – Warszawa: PWN, 1955. – 338 s.
14. Richardson, A.E. The smaller English house of the later Renaissance 1660 – 1830 / A.E. Richardson, B.A. Donaldson-Eberlein – London: B. T. Batsford, 1933. – 287 p.
15. Sztukabaro: architektura, rzeźba, malarstwo; pod redakcją Rolfa Tomana. – Warszawa: GmbH h.f. ullmann, 2007. – 500 s.

ARCHITECTURAL STYLES OF THE PALACES AND COUNTRY HOUSES OF THE ALEKSANER EPOCH IN BELARUS

The article is about the development of the "strong style" in Vilnius classicism, the "Palladian" style and "empire" style in architecture of the Belarusian palaces and country houses within the Alexander epoch.